

П. А. Лисовская

О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ПОСТМОДЕРНИЗМА, ХРИСТИАНСТВА И ИДЕЙ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ПЕРА УЛОВА ЭНКВИСТА

В творчестве крупнейшего современного шведского писателя Пера Улова Энквиста (р. 1934) особое место занимает жанр исторического романа. Энквист — признанный во всем мире мастер так называемой псевдо-документальной прозы, жанра, ставшего невероятно популярным у читателей последних десятилетий и, судя по всему, не собирающегося сдавать позиции в будущем.

Свой первый исторический роман — «Пятая зима магнетизера» Энквист написал в 1964 г., и этот роман принес ему и успех, и признание. В этом первом крупном произведении тридцатилетний писатель обратился к событиям конца XVIII в., когда эпоха Просвещения находилась уже на излете. Он поведал в нем историю немецкого врача Фридриха Мейснера, жизнь и приключения которого списаны с реального исторического лица — Франца Антона Месмера (1734–1815), с именем которого связывают феномен «животного магнетизма», как в те времена называли гипноз. Через 35 лет, в 1999 г., вышел роман Энквиста «Визит лейб-медика», за который автор получил несколько почетных литературных премий. И в этом, предпоследнем, произведении речь вновь идет о второй половине XVIII в., а именно о Дании в так называемую эпоху Струэнсе, когда никому не известный немецкий врач на короткое время становится фактическим правителем самого старого в Европе королевства.

Нужно сказать, что в промежутке между этими двумя книгами Энквист пишет и драмы, и киносценарии, и другие исторические

романы, однако в последних он обращается к другим историческим эпохам: концу Второй мировой войны — в романе «Гесс» (1966), послевоенному десятилетию — в «Легионерах» (1968), Швеции начала прошлого века — в романе «Выход музыкантов» (1978). Повторное обращение к теме XVIII в. в Европе представляется нам знаменательным и интересным в контексте всего творчества этого живого классика шведской литературы.

XVIII столетие привлекает и завораживает европейских писателей второй половины XX в. Один из ярких примеров — это португальский писатель Жозе Сарамаго, написавший роман «Сказание о монастыре» (1998), где действие разворачивается в португальском королевстве во второй половине XVIII в., — произведение, которое сделало его лауреатом Нобелевской премии. Стоит вспомнить также ставший невероятно популярным роман Патрика Зюскинда «Парфюмер» (1985), повествующий как о блеске, так и нищете Нового времени, колыбелью которого был Париж второй половины XVIII в. Парадоксально, что в одной из российских рецензий роман Энквиста «Пятая зима магнетизера» был назван репликой вышедшего на двадцать лет позже упомянутого выше роман Зюскинда! Это можно объяснить только тем, что рецензент не удосужился сравнить дату публикации «Магнетизера» в Швеции с датой выхода его перевода на русский язык.

Начиная с 1960-х гг., когда, кстати, шведский роман находился в поисках новых форм, изобиловал экспериментами, увлечение XVIII в. проявляется в шведской литературе особенно ярко. Другой современный шведский классик — Пер Кристиан Ершилд (р. в 1935 г.) обращается к XVIII в. в романе «Путешествие Кальвиноля по свету» (1965), который один критик охарактеризовал как «акробатический этюд в стиле пастиш» («*det akrobatiska pastischnumret*»). Это и своеобразная робинзонада, и аллюзия к плутовскому роману, где герой напоминает одновременно гротескных великанов Рабле и сервантесовского благородного рыцаря.

Современные шведские писатели уже другого поколения, родившиеся не в тридцатые, а в шестидесятые годы прошлого века, которых уже с полным правом можно причислить к направлению постмодернизма, также очень активно обращаются к теме XVIII столетия в своих романах 1990-х гг. Здесь в качестве примера хотелось бы упомянуть, во-первых, Карину Бурман (р. 1960) и два ее романа «Мой блаженной памяти брат Жан-Хенрик» («*Min salig bror Jean Hendrik*») (1993) и переведенный на русский язык роман «Десятая муза» (1995).

Действие первого романа, принесшего большой успех молодой писательнице, разворачивается в Швеции в густавианскую эпоху, действие же второго, не менее удачного, перемещается из одной эпохи в другую, однако постоянно «всплывают» события и идеи, относящиеся к рубежу XVII и XVIII столетий. Во-вторых, нельзя не упомянуть получивший в 2004 г. престижную премию «Augustpriset» Шведского союза книгоиздателей имени Августа Стриндберга (кстати, ею был награжден и «Визит лейб-медика») роман «Ясновидец» («Den vidunderliga kärleken») Карла-Юхана Вальгрена (р. 1964). В романе Вальгрена действие разворачивается в Германии, Италии и даже в Америке все в том же XVIII в., и представляется, что между этим романом, хотя он, безусловно, гораздо ближе к постмодернизму по стилю, и романами Энквиста можно провести ряд параллелей. В частности, это — общий пафос гуманизма и неприятия жестокости, идея освобождения женщины, вера в человечество и его будущее. С романом «Пятая зима магнетизера» книгу Вальгрена объединяет общий сюжетный ход: герой обладает сверхчеловеческим даром — читает мысли на расстоянии. Однако Эркюль Барфусс, в отличие от мужественных и почти совершенных героев Энквиста, Мейснера и Струэнсе, инвалид, его уродство пугает и отталкивает. Он — герой постмодернистского романа, поэтому по определению не мог быть традиционным героем-любовником, хотя его любит прекрасная девушка, и вот перед нами уже прямая аллюзия к одному из самых распространенных сказочных сюжетов — красавица и чудовище.

Итак, почему же XVIII в., эта «колыбель» Нового времени, так привлекателен для современных писателей? Если обратиться к философскому аспекту этого вопроса, то, прежде всего, следует указать, что в традиции современной философской теории, в частности в доминирующей постмодернистской парадигме, эпоха Просвещения является так называемым *favourite other*, т. е. излюбленной эпохой для сравнения с нынешней. По словам одной американской исследовательницы, «...восемнадцатый век был и является главной точкой отсчета, в которой сходятся критическое осмысление, аналогии и анализ в недавних дискуссиях о современности и эпохе постмодернизма»¹. С другой стороны, отношения между постмодернизмом и идеями Просвещения, во всяком случае в их самой распространенной трактовке (постулатах о прерогативе разума и неминуемом

---

¹ Kelly V. Von Mücke, Dorothea. Introduction // *Body & Text in the Eighteenth Century*. Stanford, 1994. P. 2.

прогрессе и возможности выразить все посредством слова), далеки от идиллических. По словам Дэниэла Гордона, «это предубеждение [постмодернистов против идей Просвещения. — П. Л.] является острым, потому что эпоха Просвещения для постмодернизма это то же самое, чем Старый Режим был для Французской революции»². Следовательно, особенно интригующим представляется увлечение современных писателей, относящихся к разным поколениям, в том числе и таких бесспорных детей эры постмодерна, как Карл-Юхан Вальгрэн и Карина Бурман, именно этой эпохой. Что касается родившегося в 1934 г. Пера Улова Энквиста, то причины его увлечения эпохой Просвещения не очевидны и нуждаются в объяснении. Он формировался как мыслитель и художник как раз в то время, когда европейские общечеловеческие ценности подвергались ревизии. В частности, в 1949 г. вышел эпохальный труд двух крупнейших философов Теодора Адорно и Макса Хоркхаймера «Диалектика Просвещения», в котором высказывалось мнение, что просветительские идеи могут привести к варварству (эта книга была написана под впечатлением массовой гибели людей в двух мировых войнах), процветанию массовой культуры в ущерб культуре элитарной и бюрократическому диктату государства.

Два романа Энквиста о XVIII в. объединяет не только выбранная эпоха, но также, несомненно, и образы главных героев. И в романе 1960-х, и в романе 1990-х гг., это — целитель. В первом случае, как это следует уже из заглавия, главный герой — «магнетизер», т. е. человек, считающий себя способным врачевать, а во втором центральный персонаж Фридрих Струэнсе — дипломированный врач. Из текста романа мы узнаем очень многое о его врачебной практике еще до приезда к датскому королевскому двору, о том, как он учился и как воспринимал свое призвание, что думал о человеческом организме и его анатомии и физиологии. В эпоху Просвещения, когда религия подвергалась ревизии и жесткой критике, именно врач, а не священник, становится носителем знания и истины. И для атеиста Энквиста врач — это фигура, априори интересная своим потенциалом познания человека. К слову, одним из главных героев последнего романа писателя стал знаменитый парижский врач-психиатр Шарко. Но, конечно, сами врачи в романах Энквиста подвергаются суровым жизненным испытаниям, а их духовный мир скрупулезно анализируется.

---

² Gordon D. Introduction // Postmodernism and the Enlightenment / Ed. D. Gordon. Routledge; New York; London, 2001. P. 1.

При всем своем атеизме Энквист в обоих романах об эпохе Просвещения обращается к «самой известной истории на свете», а именно к Новому Завету, и образ врача — это аллюзия к образу Христа. Это особенно очевидно в романе «Пятая зима магнетизера». Роман открывается сценами, подготавливающими въезд Мейснера в городок Зеэфонде, в котором, как в Иерусалиме, развернутся основные события романа. Мейснер изображен человеком, считающим себя носителем миссии. Он сам говорит о том, что «ему нужен город», и когда такой город найден, он, хотя может воспользоваться удобством — каретой, въезжает в него, как подчеркивает автор, сидя на козлах, чтобы все его видели. Другой деталью, несомненно свидетельствующей о разрабатываемой автором новозаветной теме, является на первый взгляд малозначительный эпизод из детства Мейснера, представляющий собой аллюзию к эпизоду изгнания торговцев из храма. Двенадцатилетним мальчиком Мейснер заблудился на ярмарке и, зайдя в палатку, где шло представление, увидел, что публика смеется над происходящим и мешает двум певицам, и тогда он подошел к одному из зрителей и дал ему сильную пощечину. В размышлениях о природе своего дара Мейснер постоянно обращается к фигуре Парацельса, как бы соотнося свои мысли и поступки с тем, как бы тот их оценил. Парацельс, врач эпохи Ренессанса, в сознании Мейснера живет как реальный человек, учитель и даже некая высшая сила, с которой он постоянно беседует. Это также, на наш взгляд, аллюзия к обращениям Христа к Богу-Отцу. Фигуру Мейснера можно соотнести с фигурой Христа и по ряду других деталей: это многочисленные ученики и последователи, которые по-разному относятся к наставнику и в разной степени верят ему. Это, конечно, и «чудесное исцеление» Мейснером дочери доктора Зелингера, которой он возвращает зрение, и, несомненно, финал романа, в котором Мейснера избивают, издеваются над ним и сажают его в тюрьму. Причем в романе есть даже персонаж, которого можно соотнести с образом Пилата: начальник полиции пытается вести себя справедливо и беспристрастно по отношению к заключенному и спрашивает Мейснера, за что его ненавидит толпа.

Фигура Иоганна Фридриха Струэнсе в романе «Визит лейб-медика» также, на наш взгляд, напоминает образ Христа. Уже само слово «визит» в названии романа может намекать на миссию, только здесь не Сын Божий посещает Землю, а немецкий врач из Альтоны на короткое время приходит в датское королевство и принимает мученическую смерть за свои идеалы и поступки. Мучительные

сомнения Струэнсе перед тем, как он решился стать лейб-медиком короля Кристиана: становится ли ему тем, кто сможет, по переданным ему Дидро словам Вольтера, «пролезть в образовавшуюся в истории щель», сравнимы по силе напряжения и драматизму с молением о чаше. Уже в самом начале романа говорится о том, что Струэнсе понимает: все закончится трагично, он обречен «на заклание». В описании казни автор говорит, что осужденный «покорно, как жертвенная овца [курсив мой. — П. Л.], поместил свою шею на колоду»³. Это ставит роман «Визит лейб-медика», как и «Пятую зиму магнетизера», с одной стороны, в ряд произведений на тему «гений и толпа», а с другой — в ряд произведений о неузнанном мессии, к которым, в частности, можно отнести и русский роман «Мастер и Маргарита». Отношения же героев двух романов шведского писателя с толпой различаются. В «Магнетизере» Мейснер постоянно, непосредственно и тесно контактирует с толпой, этот герой — «вариация на тему сверхчеловека»: он хочет обладать властью над ней, но то боится ее, то презирает. С этой точки зрения интересны его отношения с двумя женщинами, прибившимися к нему во время его путешествия в Зеефонде. Герой в буквальном смысле слова использует их, в частности, насилует старшую, потом оставляет их, как бы не видя в них последовательниц, достойных быть его, «мессии», ученицами. Однако именно две эти женщины приходят к нему, когда его, избитого и униженного толпой, судят. Они — те «малые сии», без сомнения, реплика Богородицы и Магдалины, и на них он смотрел с презрением, что и было его главной ошибкой. Струэнсе же не соприкасается с толпой, т. е. с датским народом, он боится и не знает тех, кого собирается «спасти». Но показательны то, что каким-то образом ему все же удается заронить зерно гуманизма в души этих незнакомых ему людей, но уже только после смерти: к ярости его «черного человека» Гульберга тридцать тысяч человек молчаливо расходятся во время казни Струэнсе и не хотят глумиться над его смертью, т. е., по сути, не кричат долгожданное «Распни!».

«Проблема личности в истории несомненно занимает в нем не последнее место»⁴, — отмечает в послесловии к роману «Визит лейб-медика» И. П. Куприянова. Действительно, из всего сказанного выше

---

³ Энkvист П. У. Визит лейб-медика. СПб., 2004. С. 391.

⁴ Куприянова И. П. П. У. Энkvист и его роман «Визит лейб-медика» // Энkvист П. У. Визит лейб-медика. СПб., 2004. С. 408.

можно сделать вывод, что проблеме личности в истории Энквист видит как проблему возможности бескровных перемен в жизни народа или народов, если их ведет за собой моральный и гуманный лидер, т. е. человек, по сути являющийся «новым воплощением Христа». В романе «Пятая зима магнетизера» Энквист показывает, что жизнь людей может изменить только человек, всегда следующий высоким моральным принципам, а не тот, кто заботится о собственном величии, пусть он даже и обладает некой сверхсилой убеждения, как Мейснер. Здесь важную роль играет и вера в свою нравственную правоту. Именно из-за недостатка веры терпит неудачи Мейснер. В романе же о Струэнсе автор не подвергает сомнению высокие моральные принципы протагониста: он — настоящий герой, в отличие от очень противоречивого образа Мейснера, но и враги у Струэнсе гораздо более умные и жестокие. Чтобы подчеркнуть несомненное нравственное преимущество Струэнсе над окружающими современниками, автор изображает его на фоне трех других персонажей, которые также считают себя просветителями: это псевдопросветитель Рантцау, «очень осторожный просветитель»⁵, Ревердиль и «легкомысленный просветитель», в итоге ставший случайной жертвой революции, — Эневолд Бранд.

Техника повествования Энквиста кинематографична. Мы как бы видим различные повторяющиеся кадры и планы, иногда даже возникает ощущение медленного скольжения камеры по какой-либо детали. При этом в своих романах об эпохе Просвещения Энквист очень искусно использует образы и тропы, которые были актуальны в ту эпоху. Нет сомнения, что наряду с интересом к природе и закономерностям исторического процесса одна из главных задач писателя — изображение и анализ действий человека, его природы, его духовности и поступков. В этом его близость к просветителям, ибо он применяет их методы изучения человека и его природы. Европейские просветители были едины в том, что центром сосредоточения практик и идей Просвещения было человеческое тело. Несомненным для них также являлся примат телесного опыта при познании мира и необходимости сомнения. По словам Ребекки Хайдт, посредством изображения тела, этого базового тропа в европейской культуре, можно «артикулировать все этические, политические и социальные концепты власти»⁶. Важно подчеркнуть, что в обоих романах Эн-

---

⁵ Энквист. Указ. соч. С. 308.

⁶ Haidt R. *Embodying Enlightenment*. N. Y., 1989. P. 5.

квиста речь идет именно о феномене власти: в «Пятой зиме магнетизера» — в первую очередь о власти над ближним и в меньшей степени о политической власти, в «Визите лейб-медика» — напротив, прежде всего, о власти политической. Во втором романе политический конфликт между Струэнсе и его «черным человеком» Гульбергом показан сквозь призму телесного. Автор неоднократно уделяет внимание описанию внешности Струэнсе, показывает его как типичного в понимании той эпохи *homme de bien*, джентльмена, т. е. индивида, в котором телесная привлекательность и здоровая мужественность являются прямым отражением духовной и интеллектуальной красоты. Мужественным и физически сильным человеком изображен, кстати, и Мейснер в более раннем романе. Физическая привлекательность и, что немаловажно, агрессивная сексуальность служат Мейснеру важным инструментом в борьбе за человеческие души. Мы уже упоминали о разных типах просветителей в романе «Визит лейб-медика», так вот здесь автор разворачивает и спектр разных конфигураций мужественности как ключевого тропа власти. На вершине пирамиды находится идеал *homme de bien* Струэнсе, и рядом с ним трое разных мужчин, которых можно было бы, согласно принятой в ту эпоху классификации, поместить в одну категорию так называемых *petits maîtres* — персонажей, не достигших развитой мужественности. Главный враг лейб-медика Гульберг мал ростом, страдает комплексом кастрации, к тому же — и это немаловажная деталь — его называют «ящерицей» из-за того, что у него не закрываются веки. Король Кристиан — мальчишка, который никогда не вырастет, несмотря на то что его заставляют «покрывать» королеву Каролину Матильду. Наконец, тот же Бранд — классический щеголь и хлыщ, за его внешней привлекательностью скрываются духовная пустота и легкомыслие. У Гульберга целая теория малых и больших деревьев, которую он с маниакальной настойчивостью реализует на практике: ему удается-таки повалить «большое дерево» — погубить Струэнсе. Таким образом, суммируя сказанное выше, глубинной основой смертельной ненависти Гульберга к Струэнсе являются причины телесного и сексуального характера: Гульберг никогда не сможет сделать то, что удалось Струэнсе, — овладеть самой запретной из женщин — датской королевой. Здесь небезынтересно провести сравнение с изображением сексуальности главных героев в романе постмодерниста Карла Юхана Вальгрена «Ясновидец» (2003). Протагонист Эркюль (!) Барфусс любим прекраснейшей девушкой, родившей от него ребенка, у него возвышенная душа

и высокий интеллект, но его тело — апофеоз уродства и несовершенства. Более того, Эркюль Барфусс глух и нем, у него даже нет рук, и, следовательно, согласно просветительским идеям, ему недоступен его величество опыт! И все же именно к нему уходит от своего такого привлекательного и физически, и духовно, благородного и не чуждого просветительских идей мужа обворожительная Генриетта. Но Энквист не постмодернист, скорее реалист: сексуальность в его романах не может принимать такой нетрадиционный, антисказочный характер, когда «чудовище» не превращается в сказочного принца, а красавица продолжает его любить.

Сексуальность для просветителей — один из важнейших инструментов познания другого и самого себя. Вслед за Ренессансом век Просвещения сыграл важную роль в освобождении прежде всего женской сексуальности. Центральной женской фигурой в романе «Визит лейб-медика» является показанный в развитии, поистине в духе великих реалистов, персонаж, изображенный к тому же с большой нежностью, — это юная королева Каролина Матильда. Она и ее тело — центр конфликта. Очень часто в тексте проводятся аналогии между ее телом и Данией, над которой, как Струэнсе над священным телом, якобы надругались просветители. В статье, посвященной феминизации идеологии в литературе XVIII в., Лора Браун отмечает: «Одним из иронических последствий идеологической живучести женских персонажей является их потенциал всегда становиться центром дискурса. Чем более незаменимым женский образ становится в самовосприятии данной культуры, тем больше его культурная энергия стремится к эксцессам, тем в большей степени женщина становится эпицентром различных противоречий»⁷. В середине романа «Визит лейб-медика» есть такая фраза: «Она начала понимать, что у нее есть тело»⁸. Речь идет о «маленькой англичанке» Каролине Матильде. Мы можем проследить в романе все стадии развития ее личности. Интересно, что духовное и интеллектуальное развитие этого персонажа очень часто передается в терминологии тела. Ведь, как уже отмечалось, только через телесное и физически осязаемое можно познать истину. Из девочки-подростка, в общем-

---

⁷ *Brown L.* The Feminization of Ideology: Form and the female in the Long Eighteenth Century // *Ideology and Form in Eighteenth-Century Literature* / Ed. D. H. Richter. Austin, 1999. P. 233.

⁸ *Энквист П. У.* Указ. соч. С. 156.

то ребенка, она сначала превращается в чувственную женщину, затем в зрелую, осознающую свои интересы и потребности личность, и, наконец, в полном трагизма конце романа мы видим, как она достигает своей высшей ипостаси — начинает осознавать свою роль матери. К моменту развязки трагедии у королевы уже двое детей, но материнство словно существует отдельно от нее, и только в заключении, в тюрьме, когда ей грозит вечная разлука с грудной дочерью, у Каролины Матильды просыпаются глубокие материнские чувства. Так показывает ее нам автор в финале, так ее воспринимает и Струэнсе на всем протяжении романа, но для других персонажей, населяющих этот роман, она — только плоть. Можно сказать, что Струэнсе выступает в роли Пигмалиона или даже творца, т. к. только благодаря своему любовнику Каролина Матильда превращается из тела, самки, которую должен «покрывать» король, в человека. То, как воспринимают молодую королеву Гульберг и вдовствующая королева, полностью соответствует взгляду на женщину, который так яростно отвергала эпоха Просвещения. Подобное уничижительное восприятие женщины можно обнаружить в произведениях прогрессивных авторов еще в XVIII в., таких как, например, известные своими мизогинными взглядами Свифт и Дефо. В этой мизогинной традиции женское тело представляется как источник грязи, тления и разврата. Недаром вдовствующая королева называет молодую королеву исключительно «маленькой английской шлюхой». А для вожделеющего ее Гульберга именно в сексуальности этой молодой женщины, к тому моменту еще даже не осознающей своей власти, таится самая страшная опасность. Ее белая грудь, которую он увидел, когда Каролина Матильда задавала ему невинные вопросы о его аскетической жизни, против воли Гульберга заставила его обнаружить, что у него тоже есть тело, которое он не смог контролировать «по ее вине». Белая женская грудь, к слову, является важным тропом в культуре XVII–XVIII столетий. Она, как и женские волосы, является метонимией женской идентичности, подчас символом женского страдания и подчинения. В романе именно эта белая грудь, красота ее тела «подписали» смертный приговор Каролине Матильде.

То, чего на короткое время удастся добиться королеве с помощью Струэнсе для себя при диком и патриархальном датском дворе, — это сексуальная, а следовательно, и личная независимость. Этого не могут ей простить ненавистники. Как пишет Лора Браун, в восприятии мизогинной традиции «тело женщины само по себе содержит стремление к сексуальному равенству и социальной незави-

симости, утверждение женской силы и смены половых ролей...»⁹. Что же касается того, что находится за пределами телесного, то в части литературной традиции конца XVII — начала XVIII в. женщине приписывалось отсутствие как ума, так воли и характера. Та же Лора Браун цитирует классициста-просветителя Александра Попа (1688–1744), который пишет о том, что у большинства женщин вообще нет характера: «Nothing so true as once you let fall, / Most women have no Characters at all»¹⁰. И действительно, Энkvист упоминает об этой мнимой бесхарактерности Каролины Матильды: «Она родилась 22 июня 1751 года во дворце Лестер-Хаус в Лондоне и была бесхарактерной... Задним числом все сошлись во мнении, что беда заключалась именно в наличии у нее характера»¹¹. При этом, конечно, оба утверждения, и со знаком плюс, и со знаком минус, — это преподнесенные с иронией цитаты, которыми так любит оперировать автор. Хочется отметить, что в романе «Пятая зима магнетизера» женские образы строятся по сходному принципу. Главная героиня, дочь врача, как бы тоже поначалу не обладает сформировавшимся характером: точнее, она — чистый лист, *tabula rasa*, на котором творец, здесь — Мейснер, может написать все что угодно. Он делает из нее полноценного человека, дарит ей зрение и ощущение жизни. Другой вопрос: удалось ли ему сделать ее счастливой? Две другие героини изображены в романе поистине бесхарактерными, безвольными: Мейснер обращается с ними почти как с ходячими кусками мяса, но никакие унижения и лишения не могут заставить этих двух женщин отвернуться от пророка, каковым они считают Мейснера, т. к. у них есть то, чего ему не хватает, — вера.

Здесь также стоит отметить подход автора к изображению внешности персонажей и ее соотношения с их внутренними качествами. В культуре XVIII столетия огромное значение и вес приобрела портретная живопись. В соответствии с новой философией искусство должно уметь через видимое, т. е. телесное, передать скрытое, внутреннее. Описывая внешность королевы, Энkvист не говорит ничего прямо: он ссылается на ее портрет кисти Джошуа Рейнолдса и воспоминания художника о том, как трудно ему было над ним работать, т. к. модель все время плакала. Почти единственное, что мы узнаем, — это то, что у нее была потрясающая кожа. Передача цве-

---

⁹ *Brown L.* Op. cit. P. 226.

¹⁰ *Pope A.* Epistle to a Lady. Цит. по: *ibid.* P. 227.

¹¹ *Энkvист П. У.* Указ. соч. С. 62.

та кожи, его оттенков на портрете играла важнейшую роль в живописи того периода. Именно кожа является как бы барьером, границей скрытого, т. е. тела, изображенного на портрете. Портрет должен был вызывать эмоции, а женский портрет — также и чувственное наслаждение у зрителя. Именно на красоту кожи и рук королевы обращает внимание Струэнсе. Он, по его собственным словам, видит в королеве «живого человека» в отличие от всех окружающих. Именно кожа, ее тепло, пульсирующая под ней кровь — воплощение этой жизни. Недаром на вопрос королевы о том, какая она, Струэнсе произнес фразу, ставшую прелюдией к их будущей близости: «Живая... Живой человек»¹².

Сам Струэнсе в романе неоднократно говорит, что не верит в бога, следовательно, не верит и в бессмертие души. Его вера — отражение его профессии врача, которая приближает врача к тайнам человеческого тела ближе, чем кого-либо другого. Струэнсе обвиняли в том, что он воспринимал человека всего лишь как механизм, но представляется, что Энkvист опровергает эти обвинения в адрес своего героя. Автор понимает кредо своего героя так: «Лишь организм способен создать душу, чувства, добро и зло»¹³. Несмотря на то что автор романа, как и его герой, атеист, он постоянно включает в ткань романа обсуждение веры и неверия и оставляет открытым вопрос о необходимости веры. На вопрос вдовствующей королевы о том, какова же конечная цель просветителей, Струэнсе ответил: «Сделать на земле небо»¹⁴. Автор также сравнивает деятельность Струэнсе в Альтоне с деятельностью святого Франциска. Но тело, телесная жизнь в конечном счете стали тем, что погубило врача из Альтоны, который накануне казни пишет, что «считал проявления сладострастия в высшей степени простительными слабостями, если они не имели пагубных последствий для самого человека или же для других»¹⁵. Свое неверие Струэнсе выразил, заявив, что он не боится смерти, но боится боли. Наверное, поэтому усиливается трагическое впечатление от того, как надругались над его телом те, кто его казнил. Струэнсе верил в бессмертие в детях, поэтому в эпилоге так подробно рассказывается о многих поколениях потомков врача, вошедших в королевские дома по всей Европе.

---

¹² Энkvист П. У. Указ. соч. С. 184–185.

¹³ Там же. С. 123.

¹⁴ Там же. С. 190.

¹⁵ Там же. С. 125–126.

Продолжая сравнивать два романа Энkvиста о XVIII в., нельзя пройти мимо того, что и Мейснера, и его дело, и Струэнсе губят женщины, которым они доверились. При этом совершенно нет оснований обвинять писателя в какой-то женоненавистнической концепции. Скорее наоборот, протагонист сам виноват в том, что выбирает не ту женщину, не может совладать со своей телесной слабостью. Рассказ о «врачебной» практике Мейснера выстроен так, что если сначала есть сомнения в том, истинный ли он целитель или шарлатан, то в конце, когда его власть над женщинами-«пациентами» становится безграничной, сомнений уже нет: женщины его используют, и — хочет он этого или нет — Мейснер становится шарлатаном. Таким образом он сам себя губит, видимо, с каждой новой пациенткой все меньше веря в добро и все больше стремясь к власти над людьми. В итоге Мейснер попадает в тюрьму из-за одной своей пациентки, которая была уличена в симуляции при самых абсурдных и нелепых обстоятельствах: она выдавала куриные кости за кости плода, которые якобы помогал ей выводить при помощи гипноза Мейснер. В романе так и остается непонятым, понимал ли сам Мейснер, что он участвует в обмене или нет.

Минуты поражения и унижения Мейснера по своему идейному наполнению во многом «параллельны» последним дням лейб-медика. В романе 1964 г. все выглядит очень похоже на то, что было описано в романе, написанном в 1999 г.: «Его вывели на лестницу ратуши. Двое стражников стояли у него по бокам. Третий сзади. Видимо, они боятся, что он убежит, — просто смешно. Ведь даже если он убежит, *если убежит его тело* — это не имеет никакого значения. *Главное — та власть, какую он имел над ними. Память о ней стереть не удастся*»¹⁶ [курсив мой. — П. Л.].

Резюмируя, можно сделать вывод о том, что на протяжении своей долгой и успешной писательской карьеры Пер Улов Энkvист находится в поисках если не идеального, то во всех отношениях достойного протагониста в обстоятельствах, которые позволят проиллюстрировать волнующие писателя вопросы человеческой природы, проблемы власти, строения мироздания. Такими идеально подходящими обстоятельствами и временем, как мы увидели, для него и ряда его талантливых коллег стала Европа во второй половине XVIII в. Что касается самого героя, то Энkvисту явно инте-

---

¹⁶ Энkvист П. У. Пятая зима магнетизера. М., 2001. С. 239.

ресны люди, владеющие врачебной профессией. Однако для этого писателя, как и для эпохи Просвещения, о которой шла речь, врач — гораздо больше, чем просто лекарь. Врач может взять на себя роль политика или ловца человеческих душ, он проникает в тайны мироздания. Можно вспомнить образы врачей в психологических драмах Ибсена, где они всегда носители рационального начала. Недаром Энквист, продолжая исследовать истоки цивилизации XX столетия, переломную эпоху рубежа веков, обращается, как уже упоминалось, к фигуре доктора Шарко. Образ врача важен для западной культуры и западного мировоззрения в целом. Но врач у Энквиста интересен тем, что он всегда персонаж сложный, развивающийся, терпящий неудачи. Как обладатель знаний о тайне жизни и смерти, или любви и смерти, тайны «границы, на которой находится наивысшее наслаждение»¹⁷, по словам королевы Каролины Матильды, он сам обречен на испытания. К слову, Шарко в романе «Бланш и Мари» (2003) Энквиста умирает сразу же после долгожданного и единственного акта физической любви с Бланш: Эрос и Танатос соединяются.

Можно сделать вывод, что Энквист является тем писателем, который в эпоху постмодернизма, не вступая с этим направлением в открытое противостояние, реабилитирует гуманистические идеи и ценности эпохи Просвещения. Он апеллирует к ее деятелям и демонстрирует пиетет к ним: на страницах романов «Пятая зима магнетизера» и «Визит лейб-медика» мы встречаем имена Вольтера, Дидро, Руссо, Гете. Он также использует тропы и коды этого судьбоносного периода европейской истории и культуры. С другой стороны, Энквист — экспериментатор, ему еще с 1960-х гг. интересны новые приемы в романе. Поэтому у него много постмодернистской иронии, он играет со стилями, повествование часто построено фрагментарно, в его ткань включены как подлинные фрагменты переписки и документы, так и фиктивные. Писателю интересны детали и «маленькая частная правда»: он часто показывает, как на ход важных событий влияют самые незначительные и абсурдные мелочи, — это также характерный постмодернистский взгляд на историю. Однако общий взгляд на природу человека и исторический процесс у Энквиста исполнен незыблемого гуманизма и веры в прогресс и человека. И в этом отношении он, конечно, разговаривает с постмодернистами на разных языках.

---

¹⁷ Энквист П. У. Визит лейб-медика. СПб., 2004. С. 213.

ON RELATION OF POSTMODERNISM, CHRISTIANITY
AND ENLIGHTENMENT IDEAS IN THE WORKS OF PER OLAV ENQUIST

This article deals with two historical novels by prominent contemporary Swedish author Per Olov Enquist written with thirty years interval. «The Magnetist's Fifth Winter» (1964) and «The Royal Physician's Visit» (1999) are both staged in late XVIIIth century Europe and are saturated with Enlightenment ideas and tropes. The main theme in both novels can be described as «the genius and the crowd», as both protagonists are outstanding personalities and exercise big influence on the surrounding people one being so called magnetist and the other being Danish king Christian the VII's physician.

The main objective of this article is to compare and analyze stylistic and ideological modes of Enquist's pseudo-historical fiction staged in the XVIIIth century Germany and Denmark. The article's point is that Enquist manages to combine and harmonize Enlightenment's humane pathos and values with post-modern modes of depiction as well as with cinematographic technique. Major consideration is given to depiction and role of the human body and to the problem of faith and atheism as they are presented in both novels.